

Глава 6

Вань Цзиньцянь подошёл к дверям комнаты.

[Предупреждение: действия Хозяина не соответствуют характеру персонажа...]

— Ты чего ещё не спишь? — Цзиньцянь заподозрил, что Нима Ван всерьёз подсел на сверхурочные: на часах уже одиннадцатый час. — Сколько вам там за работу в ночную смену платят? Давай я тебе вдвойне накину.

Деньги окрыляли Вань Цзиньцяня, превращая его в подобие ангела — прекрасного и до неприличия щедрого.

[Предупреждение: действия Хозяина нарушают канон...]

— Никакого воображения. Я тут душу изливаю, а ты опять за своё, — лениво отозвался Цзиньцянь. — Будто пластинку заело. С чего ты взял, что я порчу образ? Ничего подобного. Слышал когда-нибудь про элитное пушечное мясо? Прямолинейно гнобить главного героя — это прошлый век. Настоящее искусство — варить лягушку на медленном огне. Сначала заманиваешь его к себе, шаг за шагом ломаешь волю, приучаешь к своей власти, пока он сам не превратится в твоего ручного пса. Вот это я понимаю — правильный школьный буллинг. А то, что написано в твоём дурацком романе, — унылая деревенская банальщина.

С таким подвешенным языком Вань Цзиньцяню следовало идти в адвокаты по уголовным делам — соловьем заливался. Впрочем, этот красноречивый поток был лишь инстинктом самосохранения, сработавшим в экстремальных условиях. На самом-то деле... в душе он всегда оставался тихим, замкнутым парнем. И жутко неразговорчивым.

[В ваших словах... кажется, есть доля истины.]

Нима Ван завис, переваривая информацию, и после недолгих раздумий решил отправить запрос главному боссу.

[Система не может классифицировать намерения Хозяина. Запрос перенаправлен вышестоящему руководству. Пожалуйста, ожидайте решения.]

— Да какой, к чёрту, запрос в одиннадцать ночи? — Цзиньцянь невольно зевнул. — Ты думаешь, начальство такое же сумасшедшее, как ты, чтобы пахать по ночам? Забей и иди спать, Король Грязевых Коней. Всё, дело решённое. И пусть это останется между нами. Спокойной ночи, Нима Ван.

Пусть этот системный debil и затащил его в игру прямо из падающего самолёта, базовые правила приличия Цзиньцянь всё же соблюдал. С малых лет он был гордостью школы, круглым

отличником и образцовым активистом: жертвовал деньги на благотворительность, переводил старушек через дорогу, помогал находить потерявшихся детей. Короче говоря, не человек, а ходячий пример для подражания.

И вот теперь его, такого замечательного, загребли лапы безжалостной системы и заставили играть роль ужасного пушечного мяса.

"Наверное, в прошлой жизни я был слишком идеальным, вот небеса и завидки взяли", — мысленно утешал себя Вань Цзиньцзянь, пытаясь как-то заглушить экзистенциальный кризис.

Искусственный интеллект Нима Вана никогда не сталкивался с подобным хаосом. В его базовых алгоритмах всё строилось по принципу «один плюс один равно два». Но появление Вань Цзиньцзяня превратило эту простую математику в попытку извлечь квадратный корень из отрицательного числа. Задача была нерешаемой и полностью выходила за рамки системных протоколов. Достиг ли ИИ в этот момент вершины своей эволюции или, напротив, деградировал до уровня калькулятора — вопрос оставался открытым.

[Спокойной ночи.]

В голове у системы всё окончательно перемешалось. Нима Ван решил уйти на перезагрузку и параллельно обновить прошивку.

— Фух... — Вань Цзиньцзянь мысленно отпраздновал победу. Напряжение спало. Повезло же, что этот железный болван оказался на редкость сговорчивым.

Вещей у Чжао Хаочэна было немного, зато книг — целая гора. Он аккуратно, стопка за стопкой, перетаскивал их в пятьсот сорок восьмую комнату. Вань Цзиньцзянь валялся на кровати, лениво наблюдая за ним. Со стороны Хаочэн сейчас жутко напоминал муравья, упорно тащащего в муравейник запасы на зиму.

Правда, запасы эти были исключительно духовными. Величественное, но чертовски занудное зрелище.

Спать хотелось немилосердно. Чтобы хоть как-то разогнать дремоту, Цзиньцзянь выудил из тумбочки пачку картофельных чипсов со вкусом томатов и принялся лениво хрустеть, отправляя в рот ломтик за ломтиком.

"Да когда же он закончит? Сколько можно возиться?" — уныло размышлял он.

Чжао Хаочэн понял, что душ он принял совершенно зря — пока таскал тяжести, снова взмок. С чувством неловкости он покосился на Вань Цзиньцзяня и заметил, что тот уже прикрыл глаза, хотя на губах всё ещё виднелись крошки от чипсов.

В пятьсот сорок восьмой свет оказался куда ярче, чем в его старой комнате. Хаочэн впервые смог как следует рассмотреть своего нового сожителя — грозу всей школы, местного заправилу.

"Надо же, внешне на бандита совсем не похож", — подумал он. А вот дела этот парень воротил такие, что мороз по коже драл.

"Обличье человечесь, а нутро собачь", — вынес мысленный вердикт Чжао Хаочэн. Выглядит прилично, а творит сущую дичь.

Тишину внезапно нарушил грохот: криво сложенная стопка книг не выдержала и с шумом обрушилась на пол.

Вань Цзиньцянь подскочил как ужаленный. Последний недоеденный чипс сиротливо упал на одеяло.

— Землетрясение! Спасайся кто может! — завопил он.

Не соображая спросонья, он схватил Чжао Хаочэна за руку и рванулся к выходу.

— Нет... — Хаочэну безумно хотелось заржать, но инстинкт самосохранения вовремя подсказал, что за смех над школьным авторитетом можно и по шее получить. Пришлось напустить на себя максимально серьёзный вид, не вяжущийся с его возрастом. — Это не землетрясение. Просто книги упали.

— Твою мать, напугал до усрачки, — Цзиньцянь шумно выдохнул, глядя на рассыпавшиеся тома. — И на кой чёрт тебе столько макулатуры? Ты их вообще читаешь?

Он обернулся и наткнулся на странный взгляд соседа, который явно хотел что-то сказать, но не решался.

— Ладно, молчи, даже слушать не хочу.

"Странно, в оригинале главный герой не был таким зажатым. Чего он жмётся как невеста на выданье?" — подумал Цзиньцянь. Окинув Хаочэна быстрым взглядом, он прихватил полотенце и скрылся в душевой.

Горячая вода мигом смыла остатки сонливости. Но стоило Цзиньцяню расслабиться и подставить спину под упругие струи, как в дверь бесцеремонно забарабанила дежурная по общежитию:

— Отбой! Выключаем свет!

Чжао Хаочэн послушно щёлкнул выключателем, погрузив комнату во мрак. Устроившись на своей кровати, он зажёл маленькую настольную лампу и уткнулся в учебник. Изначально он планировал ополоснуться после того, как освободится душевая, но теперь, судя по всему, с водными процедурами придётся повременить.

Решив не тратить время зря, он перешёл к обязательной программе на день — разбору двух текстов по английскому.

— Чжао Хаочэн! — донёлся из душевой жалобный крик Вань Цзиньцяня. — Тут темень крошечная! Подсвети мне чем-нибудь!

Только примерив на себя шкуру пушечного мяса, Цзиньцянь осознал, сколько у этого тела скрытых дефектов. Главным из них была куриная слепота.

Пока нормальные люди с наступлением темноты превращались в зорких ночных хищников, он становился слепым кротом. Оказавшись в тёмной ванной один на один со своими флаконами, он уже успел перепутать гель для душа с шампунем, а шампунь — с бальзамом. Полный хаос.

А теперь, ко всему прочему, его лицо залепило плотной мыльной пеной, и он банально не мог нащупать душевую лейку.

Действительно, «завеса пены застилает взор» — причём в самом прямом и болезненном смысле.

"Ну точно, нанялся в лакеи", — уныло подумал Чжао Хаочэн. Подхватив настольную лампу, он направился к ванной. К счастью, светильник работал от аккумулятора, иначе длины провода ни за что бы не хватило.

— Так нормально? — негромко спросил Хаочэн, протягивая прибор сквозь приоткрытую дверь.

— Блядь, да, в самый раз, — отплевываясь от мыльной пены, проворчал Цзиньцянь. — Ещё немного, и я бы ослеп окончательно.

Ублюдская болезнь, чтоб её. Куриная слепота в девятнадцать лет — это просто смех сквозь слёзы.

Но стоило Вань Цзиньцяню взять лампу в руки и разглядеть её при свете, как ванная комната огласилась его громовым хохотом:

— Чжао Хаочэн, ну ты и эстет! С каких пор тебя потянуло на гламур? Что за кричащая фуксия? Откуда в тебе столько девичьей нежности или ты просто в детство впал?

Чжао Хаочэн открыл было рот, но промолчал. Не признаваться же этому мажору, что лампа дикого розового цвета стоила дешевле всего на распродаже уценённых товаров. Он выбирал вещь исключительно по ценнику: на какую хватило копеек, ту и взял.

О сочетании цветов и эстетике Хаочэн думал в последнюю очередь. В его практичную голову даже не приходила мысль, что парню ростом под метр девяносто как-то не пристало пользоваться девчачьими аксессуарами.

— Ну, да здравствует гламур! — не дождавшись ответа, примирительно хмыкнул Цзиньцянь и засунул голову под струю холодной воды.

Одним словом — кайф. Двумя — полный кайф.

О таких условиях в бытность свою студентом он мог только мечтать, а тут — обычное школьное общежитие. По сравнению с его настоящими школьными годами, здешний быт казался пятизвёздочным отелем.

Ну ещё бы, папочка постарался. Когда отец при деньгах — жизнь полна чудес.

Довольно потянувшись, Вань Цзиньцянь вышел из ванной и, шлёпая мокрыми тапочками по полу, распахнул дверцы своего гардероба.

Мать моя женщина...

Вот оно — скромное обаяние буржуазии. Шкаф ломился от шмоток. И плевать, что в школе все обязаны носить единую форму, пушечное мясо умудрилось оторваться на домашней одежде. Вешалки были забиты шёлковыми халатами, дизайнерскими пижамами всех фасонов — от легкомысленных шортиков до глухих комбинезонов. На полках ровными рядами красовались коллекционные кроссовки, а от блеска нескольких наручных часов у Цзиньцяня едва не вылезли на лоб его выдавшие виды глаза.

И это, скорее всего, была лишь капля в море.

Он вспомнил, как в прошлой жизни зарёкся: если когда-нибудь разбогатеет, то обязательно купит огромный, дорогуший пласт орехового щербета, который уличные торговцы продают на вес по цене золота.

Что ж, теперь этот щербет показался бы ему дешёвой жестянкой.

Только сейчас до Цзиньцяня дошло, насколько неприлично богат его нынешний род. Ощущение было такое, будто сирота, всю жизнь перебивавшийся с хлеба на воду, вдруг узнал, что его семья владеет парой нефтяных вышек.

Позависав перед гардеробом ещё добрых полчаса, он наконец соизволил забраться в постель.

— Эй... — подал голос Чжао Хаочэн. — Если лампа больше не нужна, верни, пожалуйста. Мне ещё уроки делать.

— Да несу я, несу, — лениво отозвался Цзиньцянь.

Но стоило ему протянуть руку, как порозовевший светильник выдал две предсмертные вспышки и окончательно потух.

— Бля-я-ядь! — взвыл Цзиньцянь, когда комната мгновенно погрузилась во тьму.

Его тут же охватила паника. Абсолютно ослепший, он начал отчаянно шарить руками перед собой, напоминая нелепое огородное пугало, пытающееся поймать ветер.

В глухой темноте раздался тихий, подозрительно вежливый кашель Хаочэна:

— Промазал. Не туда хватаешь.

В следующий миг вспыхнул спасительный фонарик на его телефоне.

Вань Цзиньцянь готов был взвыть от досады. Эта нелепая куриная слепота жутко бесила. В прежней жизни он ориентировался в темноте не хуже летучей мыши, а тут превратился в беспомощного инвалида.

Раз уж оказался в шкуре пушечного мяса — терпи. В таком положении даже от глотка воды умудришься поперхнуться.

— Завтра новый тебе куплю, — буркнул Цзиньцянь, включая собственный фонарик на мобильном.

Он и не подозревал, что безвременная кончина дешёвого светильника для Чжао Хаочэна была сродни крушению вселенной. Для его и без того нищего семейного бюджета покупка новой вещи была неподъёмной роскошью. Но худшая трагедия крылась в другом: учебный тиран остался без возможности делать уроки. Для учебного тирана не существовало муки страшнее: домашнее задание прямо перед тобой, а ты не можешь его выполнить из-за отсутствия света.

Пощадите ребёнка!

Забираясь на постель, Цзиньцянь задел какой-то пакет, издавший громкий шорох. Внутри обнаружился небольшой светодиодный ночник — видимо, предусмотрительно купленный

пушечным мясом.

Он щёлкнул кнопкой, рассеивая густой мрак мягким сиянием, и похлопал ладонью по матрасу:

— Чжао Хаочэн, а ну дуй сюда.

— Чего? — Хаочэн замер, прервав свои тщетные попытки реанимировать сломанную лампу, которой давно пора было выписать свидетельство о смерти.

— Кому сказал, иди сюда, — тоном, не терпящим возражений, повторил Цзиньцянь и снова похлопал по кровати.

Кондиционер в комнате пахал на полную мощность, но от этих слов Чжао Хаочэна бросило в холодный пот вовсе не из-за сквозняка.

В полумраке тусклый ночник горел бледным, почти загробным светом. Сидящий на кровати парень с его мертвенно-белой кожей казался настоящим вестником смерти — Бледным Жнецом, явившимся за чужой душой.

И этот «Жнец» сейчас манил его к себе длинной тонкой рукой, загадочно и крайне зловеще ухмыляясь.

"Чертовщина какая-то", — подумал Хаочэн.

Он медленно, стараясь не делать резких движений, двинулся к источнику света, словно шагал напрямиком в пасть преисподней.

«Верую во единого Бога... Господи, спаси и сохрани», — судорожно молился про себя Чжао Хаочэн.

Внезапно Вань Цзиньцянь резко подался вперёд, ухватил соседа за шиворот и бесцеремонно повалил на кровать.

— Т-ты... ты чего творишь? — в голосе Хаочэна смешались все оттенки ужаса: три части недоумения, три части паники и четыре — абсолютного шока. Всегда отличавшийся безупречной дикцией, сейчас он едва ворочал языком, словно рот у него был набит вязнувшей хурмой. На губах выступила испарина.

— Да не бойся ты, дай-ка я гляну на твои... — Цзиньцянь ловким, отточенным движением бесцеремонно сдёрнул с него футболку, обнажая торс.

Всё произошло настолько быстро, что Хаочэн даже не успел сообразить, что происходит.

Это было слишком странно. Выходящие за любые рамки приличия жесты, двусмысленные прикосновения...

"Мамочки... Он что, из этих? Из извращенцев?" — пронеслось в голове у Хаочэна. Он затаил дыхание, боясь даже пошевелиться. Подозрение крепло с каждым мгновением, но озвучить его вслух он бы ни за что не осмелился.

<http://bllate.org/book/20139/2130898>